

Владислав
БАХРЕВСКИЙ

Москва

НЕВЕДОМ

Благоуханный

1. Рождение Неведома

Тьма была тёплая, влажная, ласковая. Он сладко потянулся... Потянулся, потянулся и сообразил:

– Расту!

Тут-то его и осенило:

– Я – родился. Я – есть. Вот он! Живой. Я – живу.

От восторга, может, и улетел бы, будь у него крылья.

Тёплая, влажная, пахнувшая мамой тьма податливо раздвигалась. Он рос, рос, рос...

Кругом что-то похрустывало, шелестело, напирало. Тьма ему нравилась, она была родной. Но однажды совсем близко забрезжило манящее таинственное мерцание.

– Ребята! Белый Свет!

Разворачивая землю, чуть не по головам полез напраую к свету кто-то сильный, грубый.

Все спохватились, потянулись, потянулись. А наш дружок сделал ещё одно открытие: «Родившихся, живых – очень и очень много!»

Земля вдруг задрожала. Пронзая твердь и тьму, со свистом промчался мимо росток-стрела. Да и замер от негодования.

– Нашли Белый Свет! Гнилушка!

– Так ведь бело...

– Не бело, а зелено. Гниущее дерево фосфоресцирует. Это говорю вам я, растущий из луковицы. Гладиолусам сей путь не в новинку. Мы – двухлетнее растение!

Нашему другу свет гнилушки казался прекрасным, но в точке роста у него всё смешалось. У нас вместо этой точки – голова, но мы бы тоже, наверное, призадумались.

«Если растущий из луковицы гладиолус – гладиолус... Ах, как это красиво – гла-ди-о-лус!.. То кто все остальные?»

– Вы тоже гладиолус? – спросил наш друг скромно подраставшего соседа.

– Бог с вами! Я трава-мурава.

– Трава-мурава... А кто этот сильный, грубый?

– Осот.

Тут наш дружок даже расти перестал.

Третье открытие было ужасным. Да, он растёт, он есть, он живой, но кто он? Трава-мурава была травой-муравой, гладиолус, росший из луковицы, гладиолусом, осот — осотом...

— Скажите, — догадался он спросить, — а я не трава-мурава?

— Ну что вы! — Соседка не погордилась, а, наоборот, застенялась, но ему легче не стало.

Миновали волшебное мерцание гнилушки. Опять пошла тёплая, влажная, пахнувшая мамой тьма, и — бац! Кто-то шмякнул нашего дружка... по точке роста.

— Да не щеко... щеко-чи-ись ты!

Дождевой червь извивался так и этак и мял, гнул, давил на нежную, на единственную у нашего друга точечку.

— Не умирай со страха! — услышал он добрую траву-мураву. — Дождевые черви — наши лучшие друзья. Они рыхлят землю. Где дождевой червь, там много воздуха.

Росток подался чуть в сторону, но его свирепо толкнули.

— Не один в земле! Уж коли я толкну, как ошпаренный взвоешь. Я, милый ты мой, — крапива.

Жить оказалось трудно.

Росток уступил дорогу крапиве и совсем оробел. Робость-то и спасла его от гибели. Огромное чудовище, дырявя землю, прошло над самой точкой роста.

— Хрум! Хрум! — Растения, не увидав Белого Света, погибали в мохнатых клешнях обжоры.

— Медведка крапиву сожрала! — прошептал осот.

Его грубое, его жестокое тело дрожало от ужаса. А через мгновение стало ещё хуже. Земля, как живая, содрогалась от жестокой борьбы.

— Медведка напала на дождевого червя, — догадалась трава-мурава,

И пошло уже не хрумканье — чавканье. Медведка поела добычу. Насытившись, она задремала. Бедный наш росток не смел пошевелиться, чувствуя на себе мохнатое тело.

Время шло и шло. Очнулся от дивных звуков. Наш дружок устал бояться и заслушался. Будто светлый родник пробивался к Белому Свету, так нежна, так печальна была песня.

— Медведка поёт! — прошептала трава-мурава.

— Медведка?! — изумился росток.

Ему стало нехорошо. У такого чудовища такие дивные песни?

— Зачем я расту, живу? Зачем я родился? — подумал наш дружок и, наверное, потерял сознание.

2. Беспощадный асфальт

Будто сквозь сон услышал, как все зовут:

— Цикорий! Где цикорий?! Найдите цикория!

— Что случилось? — спросил росток траву-мураву.

— Мы в плену. Над нами асфальт.

— Здесь не было асфальта! — рыдал гладиолус. — Здесь был сад.

Сад под окнами большого дома.

— Что такое асфальт? — спросил осторожно росток.

— Асфальт — убийца растений, — прошептала трава-мурава. — Люди душат нашу мать землю асфальтом, чтоб ничто не цвело, не росло, не радовало солнце.

— Солнце? — спросил росток.

— Мы никогда не увидим солнца! — стонал гладиолус. — Мы все погибли.

— Ну уж нет! — не согласилась трава-мурава. — Асфальт много хуже камня, его не обойти, но я буду расти и прорасти. Если цикорий сыщется, пусть догоняет меня.

И трава-мурава, такая ласковая, такая добрая, махонькая, уперлась в мертвую, в ядовитую глыбу всеми своими росточками.

Никто другой не решился одолевать непробиваемую безжизненную толщу.

А росток задумался. Если им встретился дождевой червь, а потом и медведка, значит, асфальт где-нибудь да кончается.

Очень осторожно, чтобы не толкнуть ко-

22 Владислав Бахревский

го-нибудь, он подался в сторону, но все дружно искали путь к солнцу и не сердились друг на друга.

Асфальт не кончался. Ядовитая глыба давила землю без пощады, немо, тяжело.

Иные растения в панике пускались в обратный путь, бросались из стороны в сторону. Иные, смирившись, обмирала. Но всё же находились упрямы, росли неведомо куда, терпеливо, без надежды увидеть Белый Свет. Росли, росли, росли! И наш дружок был с ними, с терпеливыми.

3. Вместо Белого Света — тьма Ночи

Изнемогая, задыхаясь в отравленной асфальтом почве, росток вдруг понял — рядом никого уже нет. Он один. Земля не пахла мамой, она была сухой, жесткой, жестокой.

Ни на что уже не надеясь, он упирался точкою роста в преграду, в окаменелые комья глины, упирался, упирался и рос! Упирался и рос!

Собирая последние силы, собирая по капле влагу, он рванулся пробивать ещё один миллиметр преграды и — полетел. Преграды не было. Он снова собрался с силами, снова рванулся — но его ничто не держало, не теснило. Ничто ему не противилось.

Тьма тоже стала иная. От изумления росток перестал тянуться.

— Да ведь я пророс! — совершил он ещё одно великое открытие. — Вот он... Белый Свет.

Необъятное черное небо стояло над ним. Потоки звёзд текли по Вселенной, и каждая звезда, близкая, далёкая и совсем-совсем далёкая, светила ему.

— Всё это ради меня?!

Каждая его клеточка переполнилась любовью к Тому, Кто создал для него небо, звёзды, Вселенную, матушку-землю.

Во тьме ночи, заглядевшись на звёзды, он забыл о тех, с кем рос, пробивался из-под асфальта. Ему казалось: он один на земле. Один у неба.

От красоты звёздных потоков, от одиночества, от щедрости Создателя он заплакал...

Это выступила роса на его тоненьком, как былинка, стебельке. Роса отразила сверкающую изумрудную звезду, и он держал её, трепеща от счастья, и не заметил, как посветлело небо.

Сон снизошёл на него легко и неожиданно. Он и во сне подрастал, не чувствуя и не видя своего преображения. Был бесцветным ростком, а превратился в зелёный, налитой, упругий стебелёк. В стебелёк, потерявшийся среди травы.

4. Солнце

Сквозь дремоту он слышал надоедливое брюзжание:

— Пробуждайтесь, сони! Пробуждайтесь, ленивцы! Солнце всходит!

Так ворчал на цветы паук. Он сплёл за ночь уж такую широкую сеть, хоть рыбу лови. Но когда цветы спят, добычи ждать нечего.

— Солнышко-солнышко, выгляни в окошко! — вился в траве счастливый вьюнок, но цветы свои тоже не торопился открывать.

— Замри! Замри! — Ветер, застигнутый восходом солнца в полёте, закружился, не зная, как умерить свою прыть. Сел на паутину.

Одна только паутина и не замерла, покачиваясь, вздрагивая.

Стало удивительно тихо.

Наш росток не увидел алой росинки на краю неба. Не знал, куда смотреть.

— Живы-живы-живы! — закричал воробей, и дерево, набитое воробьями, грянуло, как торжественный оркестр; свет победил тьму.

Наш стебелёк птиц тоже ещё не видел, но тут в розовое море золотого воздуха кинулись ласточки. Повизгивая от радости, ныряли снизу вверх. Загулькали горлицы, закричали петухи.

Стебелёк, оглушённый запахами, озарённый светом, — трепетал. Его ухватил ветер, тянул за собой. Пришлось упереться, чтоб не унесло.

И тут он увидел солнце. Оно стояло над землёй, багряное, как великий государь. Поднималось быстро, но в каждое новое

мгновение успевало поменять одежды. Багряные на малиновые, алые на оранжевые, нежно-розовые на пламенно-золотые, а дальше смотреть стало невозможно.

И только теперь стебелек увидел: земля преобразилась. Ночью, под звёздами, это была тёмная, огромная глыба. Но, оказывается, ему суждено было родиться на очень весёлой, зелёной планете. Кругом травинки, цветы, такие прекрасные; всю жизнь смотри — не насмотришься!

Зелёные кусты роз, густые, как заросли, огораживали этот совсем крошечный цветник под окнами большого дома на тихой улице.

Под кустами роз жёлтые одуванчики, стайки незабудок, тёмно-зелёный клевер, пока ещё не зацветший. Над клевером держал свой огонёк радостный мак.

А на возделанной земле неподалёку росли благородные цветы: синие ирисы, безупречно белые лилии, гладиолусы, флоксы, золотые тюльпаны, нежные нарциссы были совсем близко от стебелька. Такие хрупкие, такие совершенные — ему, бедному, хотелось спрятаться под землю, чтобы своей грубостью не оскорблять святую красоту.

Стебелёк наш был ещё так мал, что совсем потерялся среда травинки с крошечными листиками.

— Вы кто? — спросил он соседей.

— Гусиные лапки! Смотри! Смотри! Ромашки просыпаются.

Ромашки потягивались, осторожно разворачивая белые лепестки, а под лепестками у них были солнышки, у каждой ромашки — своё.

— А это... облако? — спросил стебелёк у гусиных лапок, показывая на белое пушистое деревце.

— Чего выдумал! Облака на небе, дружок! Это вишенка расцвела.

Солнце поднялось выше, стало совсем тепло.

— Что это жужжит, гудит? — вспомнив медведку, разволновался стебелёк.

— Пчёлы прилетели, — сказали гусиные лапки. — Погляди на вишенку! Сколько цветов — столько пчёл. За нектаром прилетели.

5. Никому не нужный цветок

Крылатого и прочего народа всё прибывало, прибывало. Среди стебельков осота прятался богомол — гроза мух. Певчие кузнечики затрещали. Огромная стрекоза, изумрудноглазая, прозрачнокрылая, долго висела над белой лилией. Совсем близко от стебелька прошла, сияя зелёным панцирем, златка. Солдатики, в красных с черными пятнами мундирах, густо облепили пенёк черешенки, будто крепость взяли. Прилетели на цветы мохнатки, журчалки, пискуньи... Все такие нарядные! Басом загудел шмель. Уж такой великолепный, величественный!

Стебелёк, ничего не говоря, поднатужился, да так, что плотно прижатые листья закрипели. Ему очень хотелось подрасти, чтоб хоть кто-то увидел его! Чтоб и на него сели.

Ждал день, другой... Нет! Никому он не был нужен, ни единому существу! Ни комару, ни мухе... Впрочем, ласковым парным вечером надежда затеплилась. Прямо над ним, пророча тёплый день, столбом танцевали мошки... Танцевали, танцевали — умудрились не заметить.

«Кто же я такой? — думал стебелёк. — Здесь все знакомы друг с другом... Почему меня никто не узнаёт — ни растущие, ни летающие, ни ползающие?»

Однажды прилетела бабочка. Она была... с воробья. Какое там! Больше! У неё были бархатные, чёрные, как уголь, крылья, с зелёными сверкающими пятнами, похожими на листья.

— Откуда взялась такая?! — изумился, выбираясь из-под земли, новый житель сада. — Ишь ты, на лилию села! Сладёна!

Это был цикорий. На него тоже никто не садился.

Стебелёк решил спросить:

— Скажи, почему одни мы с тобой никому не нужны?

— Да потому что пора не пришла, — ответил цикорий беспечно. — Все эти ранние — быстро сойдут. Вот тогда я возьму своё. Уж так заголубею, всем буду виден, всем надобен.

«А я?» — хотел спросить стебелёк и не спросил — не посмел.

24 Владислав Бахревский

– Знаешь, почему я долго цвету? – опять погордился цикорий.

– Не знаю.

– Вон ромашки! Весь день на солнце таращатся, а как вечер, роса – попрячут свои цветочки. Умны, да я умней. Не позволяю солнцу обжигать мои лепестки. Оно в зенит, а я – сожму всё моё голубое и сплю до самого восхода.

«А ведь мне на солнце тоже неуютно, – подумал стебелёк. – Мне весь день-деньской почему-то спать хочется».

6. Тля

И вдруг почувствовал тяжесть между листьями. Там было что-то тёмное.

– На меня сели! – возликовал стебелёк и нагнулся к гусиным лапкам. – На меня сели! Сели!

– Боже правый! – затряслись гусиные лапки. – Да ведь это тля!

– Пусть тля! Но я нужен! Я не одинок!

– Тля и тебя сожрёт, и нам всем достанется! Бедные мы, бедные! – причитали травинки.

– Нет мне счастья на Белом Свете! – вскричал стебелёк в отчаянии.

Только кто слышит, как страдают, молят о помощи погибающие растения?

Мужество тотчас вернулось к стебельку: «Умереть, вскормив злую силу? Ну уж нет!»

Потянул корнями соки, напрягся, сляясь сбросить тлю. Но тля была липкая, она росла, разбухала, расплзаясь вверх, к точке роста и вниз – к корневищу.

«Доживу ли я до ночи, до благословенной, влажной, благоухающей ночи?» – прошептал, как в бреду, стебелёк.

И тут на него села Божья коровка. Самая обыкновенная, семиточечная.

Полакомилась тлём, посласлилась и – фыр! – улетела.

Надежда на спасение исчезла. Стебелёк, теряя силы, согнулся и сломался бы...

– Муравьи! Муравьи! – донеслось до него. – Держись, держись!

Он увидел среди гусиных лапок строй чёр-

ных маленьких существ, таких же страшных, как медведка.

«Зачем держаться? – думал он. – Довольно мне страдать».

Хотел проститься с солнцем, но солнце загораживал дом. Каменная скала со множеством стеклянных глаз, с асфальтом вокруг, убившим землю, бесчисленные травы, цветы... Страшный мир!

Стебелёк чувствовал: муравьи идут по нему вверх и вверх.

«Им тоже нужна моя точка роста!» – теряя волю, решил погибающий.

Стало так легко, хоть улетай вместе с ветром.

Он и полетел! Ринулся в небо! Выше пчёл, выше ласточек! Выше – облаков! Небо синело, как драгоценный кристалл. И точно такой же кристалл был во чреве Горы, на вершине которой он очутился. Никто этого не видел. Земля, травы, деревья скрывали тайну его Горы.

Долины внизу были зелёные, благоуханные. Ветры дышали морем, необъятной далью.

Тут его так качнуло, что он коснулся точкой роста земли.

Сладкий сон отлетел прочь. Стебелёк никак не мог понять, что случилось.

– Воробей, дурак, на тебя сел! – сообщили ему гусиные лапки.

Сон переполнял его: синий клад, благоуханный ветер, несравненное чувство высоты...

– А где муравьи? – спросил он.

– А где тля?! – развеселились гусиные лапки.

Его стебель, его плотно прижатые листья были свежие, чистые.

– Ой! – изумился стебелёк.

Все так обрадовались его радости.

– Вот они какие, муравьи! Всю тлю забрали с собой, – сказал цикорий, потягиваясь. – А бутончики-то у меня наливаются.

Небо пылало багровым огнём.

– Солнце море подожгло! – беззаботно брякнул цикорий.

– Как?! – ужаснулся стебелёк.

– Лето. Солнце горячее. Садится в море. Это ведь одним неучам неизвестно.

– Теперь я это знаю, – прошептал стебелёк и, набравшись храбрости, сказал, что думал: – Я не видел моря, но мне очень его жалко. Неужели это правда?

– Да ты посмотри! Видишь, сколько копоти в небе?

– Что ты его слушаешь, болтуна-пустомелю? – зашумела ветвями, роняя лепестки, вишенка. – Это не копоть. Туча идёт. Быть грозе.

7. Гроза

Небесное полотно за единую минуту обветшало, прохулилось. Косяки дождя, серые, как пепел, хлестали по стенам дома. Листья на деревьях трепетали, травы и цветы погнулись.

– Ой! Ах! Ох! – стонали нарциссы. – Не дождь, а грубиян! Одним гусиным лапкам, низкорождённому мужичкам, от него хорошо.

«Я тоже низкорождённый», – догадался стебелёк.

Он по привычке жить как все. Всем хорошо на солнышке, значит, и ему хорошо. Все ночью на покой, и он на покой...

Но теперь, когда цветы и травы изнемогали, кроме гусиных лапок, ему плохо не было. Он чувствовал себя замечательно. Ему хотелось подставить под бешеные струи ливня каждую клеточку. Пусть всё в нём намочнет, всё!

И он принялся разворачивать тугие свои листья.

Стало совсем темно. Ливень гудел, трубил, словно по городу бегало взад-вперёд стадо огромных косматых мамонтов.

Стебелёк дышал, дышал и не мог надышаться.

– Пуше! – подзадоривал он дождь. – Пуше!

Вдруг небо вспыхнуло, тьма раскололась. Ослепительная стрела пала с небес на землю. И ведь надо же! – угодила в крошечный садик на тихой улице, возле большого дома...

Всё ослепло на мгновение, а в следующее –

небо треснуло, рухнуло! Стёкла окон взвизгнули – и наступил мрак.

Стебелёк, выкупанный в озоне, может быть, один из всего здешнего мира «увидел» чёрный след белой молнии – трещину небесную. Тотчас кинулся в неё, чтоб успеть дорастить до туч, где небесные птицы сидят на яйцах, из которых вылупляются молнии.

Гром теперь не умолкал, молнии сверкали, вонзаясь в землю, перечёркивали небо.

Стеклянная дверь балкона на втором этаже отворилась, и детский голос позвал:

– Бабушка, милая, посмотри сама! Гроза далеко! Бабушка, ну позволь мне посмотреть! Ты сама говорила: нет ничего прекраснее грозы!

– Это когда под крышей сидишь, – ответила внуку бабушка.

«Мальчик прав! – обрадовался стебелёк. – В моей жизни прекраснее грозы не было. Гроза – это и есть жизнь! Как сладко, как легко! Ликуйте, громы! Блистайте, молнии! Греми, гроза, грози, грозуй!»

– Бабушка! Бабушка! – снова позвал мальчик. – Ты посмотри!

– Я теперь старая, боюсь молний, – сказала бабушка. – Закрой дверь, дождя нанесёт.

– Да уж еле капает, – сказал мальчик. – И при чём тут молнии? Ты посмотри. У нас в саду что-то выросло. Большущее. Может, это банан?

– Не выдумывай! – сказала бабушка. – Завтра будет солнце, увидишь всё как следует, кто вырос, кто врос.

«Я тоже посмотрю на счастливец», – подумал стебелёк и хотел задремать, как все другие травы и цветы, но так до зари и не заснул. И на заре спать ему не дали.

8. Неведом

– Кто это? Откуда?! – Шум стоял, как на базаре. Ласточки, любопытствуя, проносились совсем рядом.

– Был совсем невзрачный, и теперь такая же уродина, только здоровенная! – вынесли приговор нежные нарциссы. От напраслины,

от зависти их изумительные лепестки начали подсыхать, сворачиваться.

– Взятся откуда, спрашиваю? – потянулась веточками вишенка.

– Это стебелёк, стебелёк! – кричали снизу гусиные лапки.

– Кто вырос-то? – спросил у гусиных лапок стебелёк, ничего не понимая.

– Ишь, какой невинный! Ты, голубчик, вымахал. Тебе бы шляпу – вот я подсолнух. Только почудней, конечно, – сказали флоксы.

После дождя они зацвели наконец и были очень хороши.

– Какие вы дивные! – осмелился сказать стебелёк.

– Мы всегда такие! Погоди, придёт вечер – мы всех удивим.

– Да посмотри же ты на себя! – кричали гусиные лапки стебельку.

Он посмотрел.

Стебель его был толст, листья раздались, повисли...

Всего за одну ночь он стал великаном. С высоты своей он видел теперь асфальт, из-под которого пробивался к Белому Свету. И чудо! Асфальт треснул, в щелях торжествовала изумрудная, ласковая трава-мурава.

– Здравствуй! Ты пробилась! – возрадовался бывший росточек.

– Пробилась, – сказала трава-мурава. – Цикорий помог. Помнишь, как все искали его?

– Помню.

– Вот он! – показала трава-мурава. – Расти тесно. Этот цикорюшка ростом уж очень мал, а все равно расцветет.

– Как же я рад! – сказал росток-стебелёк и вспомнил старую свою печаль. – Травушка-муравушка, добреюшка! Погляди на меня, может, теперь-то ты узнаёшь, кто я таков?

Трава-мурава сверкала дождинками. А может быть, это были слёзы: ведь когда встречаешь друга, которого не чаял встретить, слёз не удержать.

– Ты не кручинься, – сказала трава-мурава. – Таких, как ты, не бывало в наших краях. Да ведь это не печаль, а великая радость. Не было, не было, да вот оно!

– Значит, я чужой? – совсем поник листьями друг травы-муравы.

– Ну какой ты чужой? Растёшь среди нас. Значит, наш.

– У меня нет даже имени.

– Подумаешь, горе какое! Зовись Неведом. Родственники сыщутся – тогда и узнаешь, кто ты да откуда.

– Неведом? – переспросил росток-стебелёк и обрадовался. И немножко даже запел: – Неведом! Неведом! Неведом!

Заснул сладко. Пробудился вечером от запаха флоксов.

9. Любить все живое

Чужая радость доброго греет, но своих огорчений у Неведома не убывало. На него садились воробьи, а вот пчёлы, шмели, бабочки, златоглазки – всё множество дивных существ – не замечали его, хотя он был теперь чуть не с вишенку.

Бабушка приходила с внуком поглядеть на него, подосадовала:

– Что за дурень такой?! Ни цветов, ни плодов! Небось, землю сушит корнями, цветам от него беда! Выполоть, и дело с концом!

– Не смей! – сказал внук, рассердившись. – Бабушка, не смей! Вырос, так пусть растёт! Нарциссы твои засохли, потому что отцветают.

– Ну и любуйся на свою страшилую! – сказала бабушка.

Горько было Неведому. Растение должно украшать землю, радовать небо лепестками, бутонами, листьями, а какая от него радость? Кому? Бабушка правду сказала: он страшила, помеха цветам.

Однажды Неведом проспал день напролёт и пробудился только вечером.

В ясном небе сиял тонкий, будто прочерченный крылом ласточки серп. Его не было, да вдруг он стал.

«И со мной то же было, – подумал Неведом. – Не был, не был, да стал».

Певчий кузнечик тоже обрадовался месяцу. Пел тихохонько, словно это была колыбельная:

*Месяц, ласковый дружок,
Посвети на мой лужок!
Для далёкого пути
Ножки мне позолоти.
Песню я тебе несу
Да алмазную росу,
Да земных травянок звон —
В тех травинках сладок сон.*

Неведом слушал и чувствовал: что-то в нём такое происходит. Корни целы, листья целы... Стало очень-очень больно и очень сладко — лопнула точка роста. Он ослеп от боли и от неведомого блаженства.

— Бутон! — крикнула ему трава-мурава. — У тебя бутон! Ты расцветёшь!

Он держал свой бутон — зелёную шершавую кубышечку, как драгоценность. Ждал зари, теряя терпение. Наконец-то все увидят: он — цветок! К нему тоже прилетят пчёлы, шмели, огромные шершни, красавицы златоглазки, стрекозы, прибегут синие жужелицы, пожалуют крылатые цветы — бабочки.

Увы! Никто не заметил его преобразования. Шершавая кубышка никого не приманила. Ни единой мухи. Совсем никого.

«Судьба! — оплакал себя Неведом. — Одним даётся много любви, другим поменьше, а я из тех, кого никто не любит...»

Ему было горько, но он никому не пожелал ни злого, ни худого.

«Пусть так, — покорился он своей доле. — Не любят меня — я буду любить. Всё живое!»

10. Полнолуние

Серп месяца с каждым вечером подрастал. Бутон Неведома тоже рос.

— Уж не лунный ли свет тебя кормит-поит? — подивилась трава-мурава.

— Здравствуй, травушка-муравушка! — пробуждаясь от дневного сна, приветствовал Неведом хорошего своего друга.

— Здравствуй, диво наше!

— Какое же я диво? Меня бы давно выпололи, да мальчик терпелив.

— Твоё диво в бутоне, — успокаивала трава-мурава. — Бабушка поутру тебя поливала.

— Поливала?! — удивился Неведом. — А я всё сплю да сплю. Дня совсем не вижу.

— Ты — ночной цветок, вот в чём дело! — сказала трава-мурава.

— Ночной? — удивился Неведом.

— Уж, конечно, ночной. Жди полнолуния.

— А что это такое?

— Сам увидишь, — сказала трава-мурава, укладывая листики для сна. — Нам почивать — тебе бодрствовать. Все звёзды за ночь небось сосчитаешь?

«Растёт среди асфальта, еле живая, а любви у неё на всех хватает», — с нежностью подумал Неведом и поднял обвисшие за день листья. Устремился душою к небу.

— А что, если и впрямь сосчитать звёзды?

И приуныл: округлившийся месяц, озаряя небо, совсем погасил Млечный Путь.

— О, Создатель! — взмолился Неведом. — Будет ли от меня хоть самая малая радость хоть единому обитателю Твоего необъятного мира?

Месяц сверкал загадочно, земля и небо притуманивались.

Минули сутки, другие. Месяц стали называть луной. Она всё прибывала, прибывала.

Неведом не видел ни единого восхода ночного светила: дом заслонял. Он даже радовался этому. Стоило луне посмотреть на него — конец покою: за шершавыми плотными листьями совершалось что-то уж очень таинственное.

И совершилось наконец.

До полнолуния оставалась всего одна ночь. Пробудившись, Неведом истомился ждать луну.

Днём прошёл дождь. Воздух был чист, прохладен. Неведом немножко дрожал.

И вот блеснул над крышей краешек ослепительно белого космического льда.

Кто ночами не спит, тот видел: листья на бутоне шевельнулись, отворялись. Так открываются двери, хранящие тайну. Плотно собранные лепестки сверкали безупречной лунной белизной. Сверху было видно: цветок — восьмиконечная звезда.

Ветер, пролетающий мимо, так и вскрутился, чтоб замереть: несказанное благоухание курилось над только ещё зацветающим Неведомом.

11. Цветущий под луной

Распахнулась одна балконная дверь, другая, третья...

— Проснись! — звала бабушка внука. — Твой дружок расцвёл. Вот уж диво благоуханное! С луны, что ли, к нам в сад свалился?

— Луна безжизненная, — сказал внук, протирая глаза. — Со звезды прилетел.

Утром все жильцы дома пришли посмотреть на Неведома.

— Говоришь, не сажала? — спрашивали соседи бабушку.

— Не сажала. С другими семенами, видно, зёрнышко попало.

— В управление зелёных насаждений надо позвонить, они специалисты. Всё знают.

Специалисты пришли с фотографом. Цветок запечатлели, обмерили, а что он такое, откуда — науки местных специалистов не хватило.

— Господи! — сказала бабушка людям. — Благоухает всей улице на радость. А как называть?.. Вон сколько травинок — и ни одну по имени не знаем. Смотрим не знаячи, а любимся, как на родных.

— В школе плохо учат, — сказали люди. — Талдычат про пестики, про тычинки... А чтобы повести детей в поле, в лес, показать, что вокруг-то нас растёт, цветёт — на это у них времени нет. Это вот, мол, — кукушкины слёзки, это златоцвет, любник...

— Учителя сами ничего не знают, — сказала соседка.

— Их в институтах чему только ни учат — да не тому, что для жизни нужно.

Люди ещё немножко поспорили и разошлись. А мальчик, друг Неведома, поставил табуретку на балконе и принялся ждать.

— Чего ты увидеть-то хочешь? — спросила бабушка.

— Когда раскроется.

Увы! Сокровенное не для догляда. Неведом рад бы одарить своего защитника тайной, но мальчик ночью спал.

Он спал, когда взошла на небо полная, совершенная красотой и светом луна. Спали трава-мурава, гусиные лапки, цикорий, гордые нарциссы. Спали муравьи, бабочки, пчёлы, журчалки, пискуньи, божьи коровки, шмели и шершни.

Нет, не ради пересудов совершаются на Белом Свете чудеса.

Луна была в зените, когда лепестки Неведома Благоуханного развернулись, превратившись в дивный живой сосуд.

Совершеннее греческих амфор, тоньше и белее китайского фарфора, загадочнее арабских курильниц — цветок был бы чудом на всех материках Земли. А луна с высоты своей видела ещё одну бережёную тайну Неведома. Три тычинки держали на дне цветка три искорки, три восьмиконечных звезды. Лунный свет наполнил сосуд до самых краёв, и в маленьком саду исчезла не только тьма, но и тени.

Трава-мурава пробудилась.

— Боже мой! Неведом, милый, да ты у нас — сказка.

От счастья на каждом её листочке засверкала капля алмазной росы. Спавший цикорий раскрыл вдруг свои синие лепестки — всё равно что закричал на весь Белый Свет: неужто бывает такая красота!

— Но ведь нет пчёл! — вырвалось у Неведома.

В этом отчаянье выговорилось сразу всё! Любовь к Творцу и стыд перед ним: столько дано, а всё недоволен. И печаль: ведь красота — это печаль. И надежда: помогите же сохранять, передать чудо, во мне явленное Вселенной.

— А это что за гость? — увидел крошка-цикорий.

Трепеша сияющими, невидимыми крылышками — так быстры были движения — прилетело странное существо с изумительно длинным тонким носом.

— Птица, что ли? Бабочка? — удивлялся цикорий. — Вообще-то на слоника похож. А может, это король цветов?

Диковинное существо, будто звезда, горело то синим, то зелёным, то рубиновым огнём.

— Вот она, твоя пчела! — прошептала трава-мурава.

Живая звезда танцевала, не сходя с места. Это был танец крыльев и огня.

Воздух от напряжения задрожал, зазвенел. Дивный гость погрузился в цветок, коснулся хоботком сокровища — тотчас выпорхнул, погас, пропал. Ещё через мгновение над белым, благоуханным, полным лунного света Неведомом поднялись три искры, три звёздочки.

Они летели выше и выше, сверкая и переливаясь огнями, чтоб родной Неведом видел их полёт, их красоту.

Они так его любили. И он тоже очень любил эти три живые звездочки. Как же благоухал он, поднимая волнами дыхания дивных младенцев. Выше, выше! Чтоб им хватило высоты улететь подальше от города, от асфальта, в просторы неведомые.

Последнее

Искорки, улетаая, мерцали всё слабее, слабее. И скоро совсем пропали из виду. Неведом увядал.

Утром обильная роса легла на травы, на расцветшие розы, на листья деревьев.

— А где же цветок? Бабушка! — выйдя на балкон, закричал мальчик.

— Отцвёл! — ахнула бабушка. — Ну, ну! Ты не вздумай реветь. Ты радуйся. Мы с тобой чуда удостоились. Невелик наш садик, а для чуда сгодился.

Мальчик вырвался из бабушкиных ласковых рук, выбежал на улицу. Хотел хоть листик сохранить от Неведома, но растение лежало на земле, высохшее, бесцветное...

Ну, ну! Если слёзки у вас закипели, всё равно улыбнитесь. Ведь звёздочки-то где-то прорастают...

□

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуришавы», повести «Агей», «Голубые луга», «Скиф и грек»,

«Киррей-Польхань», «Солдат-орешек», «Повелитель пампы» и т.д.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997),

премии им. Александра Грина (2005),

литературной премии журнала «Север» (2013) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

